

Фергюсон — самый яркий британский историк своего поколения. **THE TIMES**

Нил Фергюсон
Цивилизация

Чем Запад отличается от остального мира

CoRpus

Ниал Фергюсон
Цивілізація

Niall Ferguson
Civilization

The West and the Rest

Нил Фергюсон

Цивилизация

Чем Запад отличается
от остального мира

УДК 008(4)

ББК 71.05

Ф43

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Фергюсон, Нил.

Ф43 Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира **НИАЛ ФЕРГЮСОН**;
пер. с англ. К. БАНДУРОВСКОГО под ред. И. КРИГЕРА. : CORPUS, 2017. — 544
с. + [24 с. ил.]

ISBN 978-5-17-102035-4

В начале XV века мир заметно отличался от нынешнего. Нас поразили бы контраст между могущественной Азией и страдающей от голода, усобиц и эпидемий Европой, между анархической Северной Америкой и империями Центральной и Южной Америки. Мысль о том, будто Запад способен доминировать в мире — в военном, экономическом или в культурном отношении, — тогда показалась бы странной. Тем не менее следующие полтысячи лет западные страны задавали тон. Скандально известный британский историк восстанавливает “рецепт успеха” Запада и задается вопросом, стоит ли в наши дни говорить о его “закате”.

УДК 008(4)

ББК 71.05

ISBN 978-5-17-102035-4

© Niall Ferguson, 2011

Оглавление

<i>Предисловие к британскому изданию</i>	9
<i>Введение. Вопрос Расселаса</i>	27
Глава 1. Конкуренция	53
Глава 2. Наука	91
Глава 3. Собственность	145
Глава 4. Медицина	199
Глава 5. Потребление	267
Глава 6. Работа	341
<i>Заключение. Соперники</i>	389
<i>Примечания</i>	429
<i>Библиография</i>	457
<i>Иллюстрации</i>	497
<i>Предметно-именной указатель</i>	501

Посвящается Айаан

Предисловие к британскому изданию

Я пытаюсь вспомнить, где и когда я впервые задал себе тот вопрос: в 2005 году в Шанхае, гуляя по набережной Вайтань? Или в 2008 году в задымленном, пыльном Чунцине, пытаюсь вслед за местным функционером-коммунистом увидеть в огромной куче щебня финансовую Мекку Юго-Западного Китая? Или это случилось в 2009 году в Карнеги-холле? Я сидел, загипнотизированный музыкой Энджел Лам — ослепительно талантливой молодой китайской композиторши, олицетворяющей “ориентализацию” классики. Да, вероятно, на исходе первого десятилетия XXI века я ясно понял: западному могуществу, длившемуся 500 лет, пришел конец.

И вот он, вопрос, кажущийся мне наиболее интересным из стоящих перед историками нового времени: почему примерно с 1500 года горстка маленьких государств на западной оконечности Евразии стала повелевать остальным миром, в том числе густонаселенными, развитыми странами Восточной Евразии? А если мы сможем найти убедительное объяснение господства Запада, то сможем ли предсказать его будущее? Действительно ли мы наблюдаем новый расцвет Востока? Неужели мы стали свидетелями конца эпохи, когда большая доля населения планеты в той или иной степени подчинялась цивилизации, возникшей в Западной Европе в эпоху Ренессанса и Реформации, движимой научной революцией и Просвещением, шагнувшей до самых ост-

ровов Антиподов и достигшей вершины могущества в век революций, промышленности и империй?

Само по себе то, что возникают подобные вопросы, кое-что говорит о первом десятилетии XXI века. Я родился и вырос в Шотландии, учился в частной школе “Академия” в Глазго и в Оксфордском университете. В возрасте 20–30 лет я думал, что сделаю академическую карьеру в Оксфорде или Кембридже. Впервые я задумался о переезде в США, когда Генри Кауфман, ветеран Уолл-стрита, известный своей помощью Бизнес-школе им. Леонарда Стерна (Нью-Йоркский университет), спросил у меня: почему бы человеку, интересующемуся историей денег и власти, не отправиться туда, где средоточие денег и власти? В начале нового тысячелетия Нью-Йоркская фондовая биржа, несомненно, была сердцем глобальной экономической сети, построенной по американскому проекту и принадлежащей преимущественно Америке. “Пузырь” доткомов лопнул, а демократы из-за рецессии потеряли Белый дом как раз тогда, когда их обещание покрыть государственный долг показалось почти выполнимым. Но всего через 8 месяцев после того, как Джордж У. Буш стал президентом, произошел случай, изменивший положение Манхэттена в том мире, в котором доминирует Запад. Террористы из “Аль-Каиды”, 11 сентября 2001 года разрушившие Всемирный торговый центр, сделали Нью-Йорку чудовищный комплимент. Башни ВТЦ были бы целью №1 для любого, кто решил всерьез бросить вызов западному господству.

Дальнейшие шаги американцев были продиктованы гордыней. В Афганистане разгромили Талибан. “Ось зла” стала мишенью для насильственной “смены режима”. В Ираке свергли Саддама Хусейна. “Токсичный техасец” [Джордж У. Буш], рейтинг которого взлетел, близок к переизбранию. Американская экономика приходит в норму благодаря снижению налогов. “Старая Европа”, не говоря уже о либеральной Америке, кипит от бесильной злости. Очарованный всем этим, я много читал и писал об империях, в особенности об уроках, которые Британская империя может преподать Америке. Результатом стала книга “Импе-

рия” (2003)*. Когда я размышлял над возвышением, господством и возможным упадком Американской империи, мне стало ясно, что у нее 3 недостатка: 1) дефицит людских ресурсов (недостаточное военное присутствие в Афганистане и Ираке); 2) дефицит внимания (недостаточное воодушевление в обществе по поводу долгосрочной оккупации завоеванных стран); 3) финансовый дефицит (сбережений недостаточно по сравнению с капиталовложениями, а доходов от налогообложения недостаточно по сравнению с государственными расходами).

В книге “Колосс: возвышение и крах Американской империи” (2004) я указывал: США незаметно для себя пришли к тому, что вынуждены опираться на восточноазиатский капитал для поддержания платежного и бюджетного баланса. Поэтому причинами упадка и разрушения неформальной Американской империи могут стать не террористы и не спонсировавшие последних “государства-изгои”, а финансовый кризис в сердце империи. В конце 2006 года, когда мы с Морицем Шулариком придумали слово “Кимерика” — намек на химеру — для опасно нежизнеспособной, по нашему мнению, связи бережливого Китая и расточительной Америки, мы определили один из симптомов грядущего мирового финансового кризиса. Ведь если американским потребителям не были бы легко доступны дешевая китайская рабочая сила и дешевый китайский капитал, “пузырь” 2002–2007 годов не был бы настолько крупным.

Статус Америки как “гипердержавы” за время президентства Джорджа У. Буша был поставлен под сомнение дважды. Впервые Немезида явилась американцам на задворках Садра и в долинах Гильменда, где стали очевидны не только пределы возможностей американской армии, но и, что еще важнее, наивность неоконсерваторов, ожидавших демократического подъема на Большом Ближнем Востоке. Второй удар нанесло превращение кризиса субстандартного ипотечного кредитования (2007) в кредитный кризис (2008), в свою очередь перетекший в Великую рецессию

* Рус. пер.: ФЕРГЮСОН Н. *Империя: чем современный мир обязан Британии*. М.: АСТ: CORPUS, 2013. — *Прим. ред.*

(2009). После банкротства “Леман бразерз” ложные истины “Вашингтонского консенсуса” и “великой умеренности” (эквиваленты “конца истории” для центральных банков) были обречены на забвение. Вернулся призрак Великой депрессии.

Что пошло не так? С середины 2006 года я указывал в ряде статей и лекций, и особенно в книге “Восхождение денег” (опубликована в ноябре 2008 года^{*}, когда кризис был в разгаре), что основные элементы международной финансовой системы катастрофически ослаблены. В качестве причин я называл: увеличение краткосрочной задолженности на балансе банков; неверную оценку и завышение стоимости ценных бумаг, обеспеченных залогом недвижимости, других структурированных финансовых услуг; слабую кредитно-денежную политику Федеральной резервной системы; ипотечный “пузырь”, появление которого имеет политическую подоплеку; неограниченную продажу фиктивных “страховых полисов” — деривативов, — якобы защищающих от неопределенности, а не от поддающихся количественному выражению рисков. Глобализация финансовых институтов западного происхождения, как предполагалось, ознаменовала начало новой эпохи снижения экономической нестабильности. Взгляд в прошлое мог бы помочь предвидеть, как старомодный кризис ликвидности может разрушить шаткое здание финансового левереджа.

Опасность повторения Великой депрессии отдалилась после лета 2009 года, хотя и не исчезла совсем. Мир, однако, переменялся. Ожидалось, что коллапс мировой торговли, вызванный финансовым кризисом (тогда вдруг исчезли кредиты, необходимые для финансирования импорта и экспорта), может разрушить экономику азиатских стран: они, как считалось, зависели от экспорта на Запад. Однако в Китае было отмечено лишь некоторое замедление роста — благодаря очень эффективной государственной программе стимулирования, основанной на расширении кредита. Этого замечательного хода ожидали немногие. Несмо-

* Рус. пер.: ФЕРГЮСОН Н. *Восхождение денег*. М.: Астрель: CORPUS, 2010. — Прим. ред.

тря на явные трудности в управлении экономикой страны с населением 1,3 миллиарда человек (будто это гигантский Сингапур), существует большая, чем сейчас (в декабре 2010 года), вероятность того, что промышленная революция в Китае продолжится и что через 10 лет его ВВП сравнится с ВВП США, как в 1963 году Япония догнала Великобританию.

Преыдушие полтысячелетия Запад обладал неоспоримым преимуществом. Разрыв в доходах Запада и Китая начал проявляться уже после 1600 года и расширился по крайней мере до конца 70-х годов XX века. С тех пор он удивительно быстро сокращается. Финансовый кризис побуждает меня сформулировать вопрос: есть ли предел могуществу Запада?

Теперь поговорим о методологии истории. (Нетерпеливые читатели могут перейти прямо к “Введению”.) У меня твердое впечатление, что наши современники мало обращаются к покойникам. Я гляжу, как растут трое моих детей, и мне кажется, что они знают историю хуже, чем я в их возрасте, — но не потому, что у них плохие учителя, а из-за плохих учебников и еще худших экзаменов. Когда я наблюдал за течением финансового кризиса, я понял, что это тенденция: лишь горстка сотрудников западных банков и министерств финансов имеет сравнительно ясное представление о Великой депрессии (1929–1933). Уже около 30 лет в западных школах и университетах дают гуманитарное образование, не предполагающее знания истории. Школьники и студенты изучают “модули”, а не исторический нарратив, тем более не хронологию. Их учат шаблонному анализу выдержек из документов, а не умению читать много и быстро. От них ждут сочувствия к воображаемым римским центурионам или жертвам Холокоста, а не рассуждений о том, почему и как те попали в соответствующие обстоятельства. Сценарист “Любителей истории” (*The History Boys*) Алан Беннетт предложил “трилемму”: следует ли преподавать историю методом рассуждений от противного, или связывать ее с Истиной и Красотой прошлого, или представлять

ее просто как “одну херню, случавшуюся за другой”? Беннетт, очевидно, не понимал, что нынешним школьникам предлагают из вышеупомянутого в лучшем случае разрозненный набор этой самой “херни”.

Прежний президент университета, в котором я преподавал, однажды признался, что, когда он был студентом Массачусетского технологического института, мать попросила его записаться по крайней мере на один курс истории. Блестящий молодой экономист ответил, что сильнее интересуется будущим. Теперь он понимает, что это иллюзия. Нет “будущего” — есть лишь “будущие”. Существуют различные интерпретации истории, и ни одна из них не является единственно верной. А вот прошлое у нас одно, и без него невозможно понять настоящее, а также будущее. Тому есть две причины. Во-первых, нынешнее население мира составляет около 7% когда-либо живших на планете людей. Иными словами, мертвые превосходят живых в пропорции 14:1, и опасно игнорировать их опыт. Во-вторых, прошлое — единственный надежный источник знаний о мимолетном настоящем и многочисленных сценариях будущего, лишь один из которых реализуется. История — не только то, как мы изучаем прошлое, но и то, как мы изучаем само время.

Историки — не ученые. Они не могут (и не должны даже пытаться) выводить универсальные законы социальной или политической “физики”, обладающие надежной предсказательной силой. Почему? Да потому, что нет возможности повторить многотысячелетний “эксперимент” человечества. “Частицы” в этом громадном эксперименте обладают сознанием, притом подверженном когнитивному искажению, то есть их поведение предсказать труднее, чем поведение неодушевленных подвижных частиц. Среди странностей жизни есть и такая: люди со временем научились почти инстинктивно учитывать свой опыт. Их поведение адаптивно. Мы не блуждаем беспорядочно, а идем проторенной дорогой, и то, с чем мы столкнулись прежде, определяет наш выбор в будущем, когда мы оказываемся на развилке. Это происходит снова и снова.

А что *могут* историки? Во-первых, подражая обществоведам и полагаясь на количественные данные, они могут вывести “общие законы”, которые, согласно Карлу Гемпелю, объясняют большинство исторических событий (например, если место демократического лидера занимает диктатор, то увеличивается вероятность того, что данная страна развяжет войну). Или же историк может “общаться с мертвыми”, реконструируя их опыт так, как описал великий оксфордский философ Робин Дж. Коллингвуд в своей “Автобиографии” (1939). Два указанных метода исторического познания позволяют нам превращать реликты прошлого в историю: совокупность знаний и интерпретацию, ретроспективно упорядочивающую и объясняющую ситуации, в которые попадал человек. Любое серьезное прогностическое высказывание, в справедливости которого мы можем убедиться на опыте, неявно или явно основано на одном из этих двух (или обоих сразу) исторических методах. В противном случае его следует поставить в один ряд с гороскопом в утренней газете.

Коллингвуд, после бойни Первой мировой войны разочаровавшийся в естествознании и психологии, желал создать историю нового типа. Он отверг метод “ножниц и клея”, при котором автор лишь повторяет “в различной аранжировке, пользуясь декорациями разных стилей, то, что сказано до него другими”. Ход мысли Коллингвуда достоин реконструкции*.

- а) “Прошлое, которое изучает историк, является не мертвым прошлым, а прошлым, в некотором смысле все еще живущим в настоящем” в форме следов (документов и артефактов).
- б) “Вся история представляет собой историю мысли” в том смысле, что объекты, если не может быть установлено их назначение, не могут служить историческими свидетельствами.
- в) Реконструкция требует прыжка сквозь время: “Историческое знание — воспроизведение в уме историка мысли, историю которой он изучает”.

* Пер. Ю. Асеева. — *Прим. пер.*

- г) При этом “историческое знание — это воспроизведение прошлой мысли, окруженной оболочкой и данной в контексте мыслей настоящего. Они, противореча ей, удерживают ее в плоскости, отличной от их собственной”.
- д) Историк “может принести очень большую пользу неисторику, как хорошо обученный лесник невежественному путнику. ‘Здесь ничего нет, кроме деревьев и травы’, — думает путник, и продолжает идти. ‘Взгляни-ка, — говорит лесник, — там в зарослях тигр”’. Другими словами, история предлагает нечто “совершенно отличное от [научных] правил, а именно внутреннее проникновение в явление”.
- е) Истинная функция исторического “внутреннего проникновения в явление” заключается в том, чтобы “говорить людям о настоящем постольку, поскольку прошлое, очевидный предмет истории, скрыто в настоящем и представляет собой его часть, не сразу заметную для нетренированного глаза”.
- ж) Что касается выбора нами предмета исторического исследования, то Коллингвуд считает, что нет ничего плохого в том, что его современник из Кембриджа Герберт Баттерфилд осудил как “озабоченность настоящим”: истинные “исторические проблемы связаны с практическими проблемами. Мы изучаем историю для того, чтобы нам стала ясней та ситуация, в которой нам предстоит действовать. Следовательно, плоскость, где, в конечном счете, возникают все проблемы, оказывается плоскостью ‘реальной’ жизни, а история — это та плоскость, на которую они проецируются для своего решения”.

Коллингвуд — знаток и археологии, и философии, решительный противник политики умиротворения [Гитлера] и ненавистник “Дейли мейл”*, — много лет был моим поводырем. Но никогда я не нуждался в его руководстве так остро, как во время сочинения

* Коллингвуд называл ее “первой английской газетой, для которой слово ‘новости’ утратило прежнее свое значение — фактов, которые следует узнать читателю... и приобрело новое значение — фактов или выдумок, которые могли бы развлечь читателя”.

этой книги. Ведь вопрос о причинах краха цивилизаций слишком важен, чтобы оставлять его мастерам “ножниц и клея”. Это практическая проблема нашего времени, и я хочу, чтобы моя книга стала справочником лесника: ведь в этих зарослях множество тигров.

Реконструируя мысль прошлого, я старался помнить то, о чем склонны забывать люди, плохо знающие историю: большинство наших предшественников умерли молодыми либо ждали, что умрут молодыми, а те, кто прожил дольше, не раз теряли любимых. Мой любимый поэт Джон Донн, гений эпохи Якова I, прожил 59 лет (на 13 лет больше, чем мне сейчас). Адвокат, член парламента и (после отречения от католической веры) англиканский священник, Донн по любви (и тайно) женился на племяннице лорда-хранителя королевской печати Томаса Эджертона, чьим секретарем состоял. И после того, как тайна была раскрыта, потерял эту должность*. За 16 лет жизни в нищете Анна Донн родила 12 детей (трое — Фрэнсис, Николас и Мэри — умерли, не достигнув возраста 10 лет) и умерла родами (последний, двенадцатый, ребенок родился мертвым). После того, как умерла Люси, любимая дочь поэта, а сам он едва не последовал за нею в могилу, Донн написал “Обращения к Господу в час нужды и бедствий” (1624): “Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством. А потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит и по тебе”**. Три года спустя смерть близкого друга вдохновила Донна на сочинение “Вечерни в день Св. Люции, самый короткий день в году”:

Влюбленные, в меня всмотритесь вы
В грядущем веке — в будущей весне:

* После того, как Донн побывал в заключении за то, что он бросил вызов ее отцу, она заметила: “Джон Донн — Анна Донн — погублены”. [Пример омонимии: *Anne Donne — Un-done.* — *Прим. пер.*] Неудивительно, что он любил ее.

** Пер. А. Нестерова. — *Прим. пер.*

Я мертв. И эту смерть во мне
 Творит алхимия любви;
 Она ведь в свой черед —
 Из ничего все вещи создает:
 Из тусклости, отсутствия, пустот...
 Разъят я был. Но, вновь меня создав,
 Смерть, бездна, тьма сложились в мой состав*.

Эти строки следует прочесть всякому, кто желает знать, как жилось во времена, когда продолжительность жизни была более чем вдвое меньше нынешней.

Смерть могла забрать человека в расцвете сил, и мысль эта отравляла существование. Это означало также, что большинство “строителей цивилизаций” в пору своих свершений были молодыми. Великий голландско-еврейский философ Спиноза (предположивший, что существует лишь вселенная, состоящая из материальной субстанции и связанная причинной обусловленностью, а Бог — это естественный порядок, который мы смутно ощущаем, и ничего больше) умер в 1677 году в возрасте 44 лет — вероятно, от пыли, которую вдыхал, шлифуя оптические линзы (так он зарабатывал на жизнь). Блез Паскаль — основоположник теории вероятностей и гидродинамики, автор “Мыслей”, величайшей из апологий христианства, — прожил 39 лет (он мог погибнуть и раньше, если бы дорожное происшествие, которое вновь пробудило у него интерес к религии, оказалось фатальным**). Кто знает, какие еще великие дела могли свершить эти гении, если бы они прожили столько же, сколько, например, великие гуманисты Эразм Роттердамский (69 лет) или Монтень (59 лет)? Моцарт, автор “Дон Жуана” — прекраснейшей из опер, — умер в возрасте 35 лет. Франц Шуберт, сочинивший потрясающий струнный квинтет до мажор (*D956*), погиб (вероятно, от сифилиса) в 31 год. Они были плодовитыми авторами, однако можно только гадать,

* Пер. Д. Щедровицкого. — *Прим. пер.*

** В ноябре 1654 года экипаж, в котором ехал Паскаль, чудом не упал с моста в реку. — *Прим. пер.*

что еще они сочинили бы, если бы им были отпущены 63 года, которые прожил вялый Иоганнес Брамс, или 72 года, доставшиеся тяжеловесному Антону Брукнеру? Шотландский поэт Роберт Бернс, в “Честной бедности” лучше всех сумевший выразить идею эгалитаризма, умер в 1796 году в возрасте 37 лет. Какая несправедливость: поэта, сильнее всех презиравшего родовые почести (“Богатство — // Штамп на золотом, // А золотой — // Мы сами!”*), пережил поэт, которого почести действительно заботили — лорд Альфред Теннисон. Он умер в возрасте 83 лет. “Золотая сокровищница” Пэлгрейва** была бы куда лучше, если бы в ней было побольше Бернса и поменьше Теннисона. А как картинные галереи отличались бы от нынешних, если бы сверхстарательный Ян Вермеер прожил 91 год, как сверхплодовитый Пабло Пикассо, а тот, напротив, умер в 39 лет!

Политика — тоже своего рода искусство. Это ничуть не менее важная часть цивилизации, чем философия, опера, поэзия или живопись. Но, заметим, Авраам Линкольн — величайший американский автор политики — пал жертвой обуреваемого мелкой злобой убийцы, проработав всего один срок в Белом доме, спустя 6 недель после второй инаугурационной речи. Ему было 56 лет. Какой стала бы эпоха Реконструкции, если бы автор Геттисбергской речи, этот создавший себя титан, родившийся в бревенчатой хижине (и определивший американцев как “нацию, своим рождением обязанную свободе и посвятившую себя доказательству того, что все люди рождены равными”***, с “правительством из народа, созданным народом и для народа”), прожил бы столько же, сколько Франклин Д. Рузвельт — игрок в поло, а после разбитый полиомиелитом сановник, который благодаря медикам исполнял президентские обязанности почти 4 срока — до своей смерти в возрасте 63 лет?

Поскольку наша жизнь сильно отличается от жизни большинства людей прошлого (не только продолжительностью, но и ком-

* Пер. С. Маршака. — *Прим. пер.*

** Популярная антология английской поэзии (1861). — *Прим. пер.*

*** Пер. П. Палажченко. — *Прим. пер.*

фортом), нам придется напрячь воображение, чтобы научиться понимать их. В книге великого экономиста и обществоведа Адама Смита “Теория моральных чувств”, написанной за полтора века до автобиографии Коллингвуда, приводится объяснение, почему в цивилизованном обществе нет “войны всех против всех”:

Так как никакое непосредственное наблюдение не в силах познать нас с тем, что чувствуют другие люди, то мы и не можем составить себе понятия об их ощущениях иначе, как представив себя в их положении. Вообразим, что такой же человек, как и мы, вздернут на дыбу — чувства наши никогда не доставили бы нам понятия о том, что он страдает, если бы мы не знали ничего другого, кроме своего благого состояния. Чувства наши ни в коем случае не могут представить нам ничего, кроме того, что есть в нас самих, поэтому только посредством воображения мы сможем представить себе ощущения этого страдающего человека. Но и само воображение доставляет нам это понятие только потому, что при его содействии мы представляем себе, что бы мы испытывали на его месте. Оно предупреждает нас в таком случае об ощущениях, которые родились бы в нас, а не о тех, которые испытываются им. Оно переносит нас в его положение*.

Конечно, именно это, по Коллингвуду, историк и должен делать. И мне хотелось бы, чтобы мой читатель поступал так же. Очень важно понять, что привело эту цивилизацию к удивительному процветанию, влиянию и могуществу. Однако понять это невозможно без симпатии. Это еще труднее сделать, если приходится восстанавливать мысли людей, принадлежащих к другим цивилизациям, покоренных Западом или подчиненных ему: ведь они столь же важные действующие лица драмы. Это не история Запада, а история мира.

* Пер. П. Бибикова в ред. А. Грязнова. — *Прим. пер.*

В словарной статье 1959 года французский историк Фернан Бродель определил цивилизацию так:

Прежде всего, это пространство, “культурный ареал”... место. Наряду с местом... следует представить себе большое разнообразие “материальных благ”, культурных характеристик, начиная с облика жилищ, материалов, из которых они построены, и кровли, до приемов, например оперения стрел, или диалекта (группы диалектов), кулинарных вкусов, специфической технологии, структуры верований, способов заниматься любовью... компаса, бумаги, печатного станка. Это — устойчивая совокупность, частота, с которой проявляются отдельные характеристики, их распространенность в пределах конкретной области [и] ... некоторое постоянство во времени.

Броделю лучше давалось описание структур, чем объяснение перемен. В наши дни говорят, что историки должны *рассказывать*. Эта книга представляет собой большую историю (метатекст о том, почему одна цивилизация, в отличие от предыдущих, преодолела все преграды) и в ее рамках множество малых историй — микроисторий. Однако возрождение искусства нарратива — лишь часть того, что нам необходимо. Важно задавать вопросы. “Почему Запад стал владычествовать над остальным миром?” — вот вопрос, который требует чего-то большего, нежели просто изложения событий. Объяснение должно быть развернутым, подкрепленным фактами и выдерживать проверку вопросом: если бы Запад не имел указанных преимуществ, то правил бы он миром в силу какой-либо иной причины (которую я упустил из виду или недооценил)? Или мир оказался бы совершенно другим, с Китаем или какой-либо иной цивилизацией в роли лидера? Не стоит заблуждаться, будто исторические нарративы есть нечто большее, нежели подтасовка, сделанная задним числом. Нашим предкам западное господство отнюдь не казалось вероятнейшим из сценариев будущего. Исторические деятели рисовали себе картины разгрома чаще, чем хеппи-энд, известный современному чи-

тателю. История как жизненный опыт гораздо сильнее похожа на шахматную партию, чем на роман, и на футбол, чем на пьесу.

Ни один серьезный автор не станет утверждать, что поведение Запада было безупречным. Впрочем, кое-кто настаивает, будто он не принес *вообще ничего* хорошего. Это, конечно, абсурд. Как и все великие цивилизации, западная была двуликой: способной и на благородство, и на низость. Возможно, лучшая аналогия — двое враждующих братьев в “Частных записках и признаниях оправданного грешника” Джеймса Хогга (1824) или во “Владельце Баллантраэ” Роберта Л. Стивенсона (1889). Конкуренция и монополия, наука и суеверие, свобода и рабство, лечение и убийство, упорный труд и безделье: в каждом из этих случаев Запад порождал как благо, так и зло. Только, как в романах Хогга или Стивенсона, в конечном счете преуспевал лучший из двух братьев. Кроме того, нам нужно удерживаться от искушения пожалеть тех, кто проиграл. У цивилизаций, разгромленных Западом или преобразованных им посредством добровольных либо вынужденных заимствований, были недостатки. Самый очевидный — эти цивилизации не были способны обеспечить сколько-нибудь устойчивый материальный прогресс качества жизни людей. Трудность в том, что мы не всегда можем реконструировать ход мыслей этих незападных народов: не у всех была письменность. В конце концов, история — это прежде всего изучение цивилизаций, потому что в отсутствие письменных источников историк вынужден обращаться лишь к наконечникам копий и осколкам горшков, а они могут поведать очень немногое.

Французский историк и государственный деятель Франсуа Гизо сказал, что историю следует рассматривать “только как собрание материалов, подобранных для великой истории цивилизации рода человеческого”. Она должна перейти многочисленные границы, воздвигнутые учеными с их навязчивым стремлением к специализации: между экономической историей и историей социальной, военной историей, историей культуры, идей, политических учений, дипломатии. История цивилизации охватывает огромный массив времени и пространства, но книги, подобные

этой, никак не могут заменить энциклопедии. Тем, кто будет жаловаться на неполноту изложения, я могу лишь процитировать джазового пианиста Телониуса Монка: “Не играйте всё (или всякий раз), позволяйте чему-нибудь ускользать... То, что вы не сыграете, может оказаться важнее, чем то, что сыграете”. Я согласен с ним и опускаю в книге много “нот” и “аккордов” — по вполне определенной причине. Отражает ли мой выбор взгляды шотландца средних лет, типичного бенефициара западного господства? Вполне возможно. Но я лелею надежду, что к моему выбору не отнесутся неодобрительно наиболее горячие и яркие защитники западных ценностей, этническое происхождение которых отличается от моего — от Амартии Сена до Лю Сяобо, от Эрнандо де Сото до той, кому посвящена эта книга*.

Книга, описывающая 600 лет всемирной истории, — непременно плод усилий многих людей, и я должен поблагодарить их за помощь. Я признателен сотрудникам следующих архивов, библиотек и учреждений: музея Альбера Кана, Бриджменской библиотеки по искусству, Британской библиотеки, Чарлстонского библиотечного общества, Национальной библиотеки Китая (Пекин), “Корбис”, Института им. Пастера (Дакар), Немецкого исторического музея (Берлин), Тайного государственного архива Фонда прусского культурного наследия (Берлин, Далем), “Тетти имиджес”, Гринвичской обсерватории, Музея военной истории (Вена), Национальной библиотеки Ирландии, Библиотеки Конгресса США, Музея истории Миссури, Музея Шмен-де-Дам, Музея золота (Лима), Национального архива (Лондон), Национального морского музея (Лондон), Османского архива (Стамбул), “Пи-эй фото”, Музея археологии и этнографии им. Пибоди (Гарвард), Национального архива Сенегала (Дакар), Исторического общества Южной Каролины, Школы восточных и африканских исследований [Лондонского университета], библиотеки Сулей-

* Айаан Хирси Али — политик, жена Ниала Фергюсона. — *Прим. пер.*

мание и, конечно, несравненной Уайднеровской библиотеки (Гарвард). Было бы неверно не прибавить несколько слов в адрес “Тугла” (славный ресурс для ускорения исторических изысканий), а также облегчающих задачу историка “Квестии” и “Википедии”.

В ходе изысканий я получил неоценимую помощь от Сары Уоллингтон, Даниэля Лансберг-Родригеса, Мэнни Ринкон-Круса, Джейсона Рокетта и Джека Суны.

Как и прежние мои книги, эта опубликована по обе стороны Атлантики издательством “Пенгвин”. Текст отредактировали с обычным мастерством и воодушевлением Саймон Уиндер (Лондон) и Энн Годофф (Нью-Йорк). Несравненный Питер Джеймс сделал нечто большее, чем просто отформатировал текст. Я также благодарю Ричарда Дугуда, Розы Глейшер, Стефана Макграта, Джона Мэкинсона и Пен Воглер, а также всех, кого нет возможности здесь упомянуть.

Подобно 4 из 5 моих последних книг, “Цивилизация” создавалась и как книга, и как телесериал. Ральф Ли и Саймон Бертон (Четвертый канал) не позволяли мне излагать слишком глубокомысленные (или просто невнятные) мысли. Ни телесериала, ни книги не вышло бы без выдающейся команды “Кимерика медиа”: “короля операторов” Девалда Окемы, Джеймса Эванса (помощник режиссера второй и пятой серий), архивиста Элисон Макаллан, Сюзанны Прайс (продюсер четвертой серии), Джеймса Ранси (режиссер второй и пятой серий), директора Вивьен Стил, Шарлотты Уилкинс (помощник режиссера третьей и четвертой серий). Ключевую роль в проекте на начальной стадии сыграла Джоанна Поттс. Крис Опеншоу, Макс Х. Уильямс, Грант Лоусон и Аррик Мори умело провели съемки в Англии и Франции. Благодаря терпению и великодушию коллег по “Кимерика медиа” Мелани Фол и Эдриен Пеннинк мы по-прежнему неплохая реклама для триумвирата как формы правления. Мой друг Крис Уилсон следил за тем, чтобы я не опаздывал на самолет.

Ассистенты, помогавшие снимать сериал, помогли и с изысканиями для книги. Я благодарен за это Манфреду Андерсону, Хадидиату Ба, Лилиан Чэнь, Терезе Хорской, Петру Янде, Вольф-

гангу Кнопфлеру, Деборе Маклохлан, Матиасу де Са Морейре, Дейзи Ньютон-Данн, Жозе Коуту Ногейре, Левенту Озтекину и Эрнсту Фоглю.

Я также хочу поблагодарить людей, у которых взял интервью, особенно Гонзало де Альягу, Нихаль Бенгису Караджа, Джона Линделла, Мика Роусона, Райана Сквибба, Ивана Тушку, Штефана Волле, Чжан Ханьпина и — последних по счету, но не по важности, — учеников Школы им. Роберта Клака в Дагенхэме.

Мне чрезвычайно повезло заполучить лучшего в мире литературного агента Эндрю Уайли и его коллегу в царстве британского телевидения Сью Айтон. Я благодарен также Скотту Мойерсу, Джеймсу Паллену и всем другим сотрудникам в лондонских и нью-йоркских офисах агентства Уайли.

Многие выдающиеся историки, а также бывшие и нынешние мои друзья и ученики великодушно читали рукопись или ее части: Рави Абделаль, Айаан Хирси Али, Брайан Авербух, Пьерпаоло Барбьери, Джереми Катто, Дж.К. Д. Кларк, Джеймс Эсдейл, Кэмпбелл Фергюсон, Мартен Жак, Майя Ясановф, Джоанна Льюис, Чарльз Майер, Хасан Малик, Ноэль Маурер, Йан Моррис, Чарльз Мюррей, Альдо Мусаккьо, Глен О'Хара, Стивен Пинкер, Кен Рогофф, Эмма Ротшильд, Алекс Уотсон, Арне Вестаад, Джон Вон и Джереми Йеллен, а также Филип Хоффман, Эндрю Робертс и Роберт Уилкинсон. Все оставшиеся незамеченными ошибки — на моей совести.

В Оксфордском университете я хотел бы поблагодарить главу и сотрудников колледжа Крайст-Черч, их коллег из Ориэл-колледжа, работников Бодлианской библиотеки, а в Гуверовском институте (Стэнфорд) — директора Джона Рейзиена и его прекрасных сотрудников. Эта книга была закончена в центре *IDEAS* Лондонской школы экономики, где меня, профессора кафедры им. Филипа Ромена в 2010/11 учебном году, окружали заботой. Но более всего я обязан гарвардским коллегам. Понадобилось бы слишком много места, чтобы поблагодарить каждого сотрудника исторического факультета Гарварда, и я позволю себе обратиться ко всему коллективу разом: эту книгу я, вероятно, не написал бы без ва-

шей поддержки, ободрения и вдохновения. То же самое я могу повторить и коллегам из Гарвардской школы бизнеса (особенно с Отделения бизнеса, государственного управления и международной экономики), а также из Центра европейских исследований. Благодарю друзей из Центра международных отношений им. Везерхеда, Центра науки и международных отношений им. Белфера, с семинара по экономической истории и из Лоуэлл-хауса. Я благодарен студентам с обоих берегов реки Чарлз, особенно посещавшим мои лекции в рамках общеобразовательного курса “Общества мира”. Замысел этой книги родился в вашем присутствии. Мне очень помогли ваши работы и замечания.

Наконец, я выражаю самое глубокое признание семье, особенно родителям и детям — Феликсу, Фрейе и Лохлану, — которым я уделял так мало внимания, а также их матери Сьюзан и многочисленной родне. Во многом я сочинил эту книгу для вас, дети.

Однако посвящена она той женщине, кто лучше всех, кого я знаю, понимает, что действительно значит западная цивилизация и что она может предложить миру.

Лондон, декабрь 2010 года

Введение
Вопрос Расселаса

[В четвертом издании словаря] он [Сэмюэль Джонсон] не упомянул слово “цивилизация” — только “цивилизованность”. Несмотря на свое огромное уважение к нему, я думаю, что “цивилизация” (от глагола “цивиловать”) лучше противопоставлена по смыслу “варварству”, нежели “цивилизованность”.

ДЖЕЙМС БОСУЭЛЛ

Все определения цивилизации... относятся к конструкциям типа: “я цивилизованный человек”, “вы принадлежите к культуре”, “он — варвар”.

ФЕЛИПЕ ФЕРНАНДЕС-АРМЕСТО

Кеннет Кларк, давший свое определение цивилизации в телесериале с тем же названием, не оставил зрителям сомнений, что ведет речь о *западной* цивилизации, прежде всего об искусстве и архитектуре Западной Европы от средних веков до XIX столетия. В первом из 13 фильмов, снятых для Би-би-си, Кларк вежливо, но твердо проигнорировал византийскую Равенну, кельтские Гебридские острова, Норвегию викингов и даже Ахен Карла Великого. “Темные века” между падением Рима и началом Ренессанса (XII век) Кларк вообще не посчитал “цивилизацией”: она вернулась лишь с возведением Шартрского собора (освященного, хотя и не достроенного, в 1260 году) и стала выказывать признаки утомления со времени сооружения манхэттенских небоскребов.

Невероятно популярный сериал Кларка, впервые показанный в Великобритании тогда, когда мне было пять лет, предопределил значение цивилизации для целого поколения жителей англоязычных стран. Замки Луары были *цивилизацией*. Флорентийские палаццо были *цивилизацией*. Сикстинская капелла была *цивилизацией*. Версаль был *цивилизацией*. Переходя от сдержанных интерьеров Голландской республики к кипучим фасадам барокко, Кларк демонстрировал свою мощь как историка искусства. Временами он апеллировал к музыке и литературе, иногда упоминая политику и даже экономику.

Но сутью цивилизации для Кларка, несомненно, являлась визуальная высокая культура. Его героями были Микеланджело, да Винчи, Дюрер, Констебль, Тернер, Делакруа¹.

Нужно отдать Кларку должное: его сериал носил подзаголовок “Личный взгляд”. И он подозревал, что “дохристианская эпоха и Восток” в некотором смысле были нецивилизованными. Это соображение было спорным уже в 1969 году. Сейчас, спустя четыре десятилетия, с взглядами Кларка, будь они личными или какими бы то ни было еще, жить гораздо труднее (я не говорю о его несколько раздражающем в наши дни высокомерии). Я придерживаюсь более широкого взгляда и предпочту показаться скорее приземленным и неприличным, чем высокомерным и властным. Мое представление о цивилизации включает сточные трубы в той же мере, что и аркбутаны (а может, и в большей: без водопровода и канализации города становятся опасными, реки и колодцы превращаются в рассадники холеры). Меня интересует и цена произведения искусства, и его культурная ценность. По моему мнению, цивилизация гораздо шире, нежели содержимое нескольких известных галерей. Цивилизация — это в высшей степени сложная социальная организация. Допускаю, что картины, статуи и здания представляют собой наиболее очевидные ее достижения, однако они непонятны без некоторого знания об экономических, социальных и политических институтах, задумавших, оплативших и воплотивших создание картин, статуй и зданий — и сохранивших их для нас.

“Цивилизация” — французское слово. Впервые его употребил экономист Анн Робер Жак Тюрго в 1752 году, а в печати оно появилось четыре года спустя благодаря Виктору Рикети, маркизу де Мирабо (отцу великого революционера)². Сэмюэль Джонсон не принял неологизм, предпочтя ему “цивилизованность”. По мнению Джонсона, антонимом дикости была “культурная” (хотя порой очень грубая) жизнь, которой он наслаждался в Лондоне. Средоточие цивилизации — городские поселения, и в разных отношениях именно они глав-

ные персонажи моей книги³. Но законы города (гражданские и остальные) столь же важны, как и его стены, а нравы и уклад его жителей ничуть не менее существенны, чем его дворцы⁴. Цивилизация — это и научные лаборатории, и мансарды художников, и вопросы землевладения, и пейзажи. Успех цивилизации измеряется не только ее эстетическими достижениями, но и — это гораздо важнее — продолжительностью и качеством жизни людей. У качества жизни много измерений, и не всегда легко определить их количественно. Мы можем оценить доход на душу населения в XV веке или среднюю продолжительность жизни в то время. Но что мы можем сказать о комфорте? О чистоте? О счастье? Сколько предметов одежды имели люди той эпохи? Сколько часов в день должны были работать? Какую пищу могли купить на заработанные деньги? Произведения искусства могут дать нам лишь намеки, но не точные ответы.

При этом ясно, что цивилизация — это не только город. Цивилизация — крупнейшая единица социальной организации (более крупная, хотя и менее четко определяемая, чем империя). Цивилизации — отчасти практические ответы людей на вызовы окружающей среды — потребности в пище, воде, защите, — но не только. В их основе лежит культурная, религиозная и языковая (нередко, но не всегда) общность⁵. Цивилизаций не так уж много, но и немало. Кэрролл Куигли насчитал две дюжины цивилизаций в последние 10 тысяч лет⁶. Ада Бозман до начала нового времени выделила 5: западную, индийскую, китайскую, византийскую и мусульманскую⁷. Мэттью Мелко насчитал целых 12: 7 уже погибли (месопотамская, египетская, критская, античная, византийская, мезоамериканская, андская), а 5 еще нет (китайская, японская, индийская, исламская, западная)⁸. Шмуэль Эйзенштадт выделил 6, введя в клуб цивилизаций иудейскую⁹. Взаимодействие немногочисленных цивилизаций друг с другом и с окружающей средой — один из важнейших факторов исторических изменений¹⁰. Самое удивительное здесь то, что цивилизации, несмотря на влияние извне, остаются верны себе очень долгое время. Фернан Бродель заметил, что “жизнь

цивилизации является самой долгой историей из всех... Цивилизации проходят сквозь политические, социальные, экономические и даже идеологические потрясения, которые они сами подчас деятельно навлекают на себя»¹¹.

Если бы можно было вернуться в 1411 год и совершить кругосветное путешествие, нас, вероятно, сильнее всего впечатлило бы качество жизни на Востоке. В Пекине, столице династии Мин, строят Запретный город. Начались работы по улучшению Великого канала. Турки-османы идут к Константинополю (и в 1453 году возьмут столицу ветхой Византийской империи). Смерть Тимура (Тамерлана) в 1405 году устранила угрозу вторжения из Средней Азии орд, этой антиязызы цивилизации. Китайскому императору Чжу-ди (Юнлэ) и турецкому султану Мураду II будущее казалось блестящим.

Напротив, Западная Европа в 1411 году поразила бы нас. То было убогое захолустье, с трудом оправлявшееся от чумы (Черная смерть в 1347–1351 годах выкосила почти половину населения), измученное антисанитарией и терзаемое войной, которая казалась бесконечной. Английский престол занимал прокаженный Генрих IV, свергнувший и убивший злосчастного Ричарда II. Францию раздирали усобицы сторонников герцога Бургундии и убитого герцога Орлеанского. Вот-вот возобновится Столетняя война. Другие склочные королевства Западной Европы — Арагон, Кастилия, Наварра, Португалия, Шотландия — казались немногим лучше. Мусульмане еще владеют Гранадой. Шотландский король Яков I захвачен английскими пиратами. Самым приятным местом в Европе тогда были города-государства Северной Италии: Флоренция, Генуя, Пиза, Сиена, Венеция. Что касается Северной Америки, то в XV веке по сравнению с государствами ацтеков, майя и инков с их храмами-пирамидами и дорогами высоко в горах она представляла собой глушь. К концу нашего кругосветного путешествия мысль о том, что Запад будет влады-

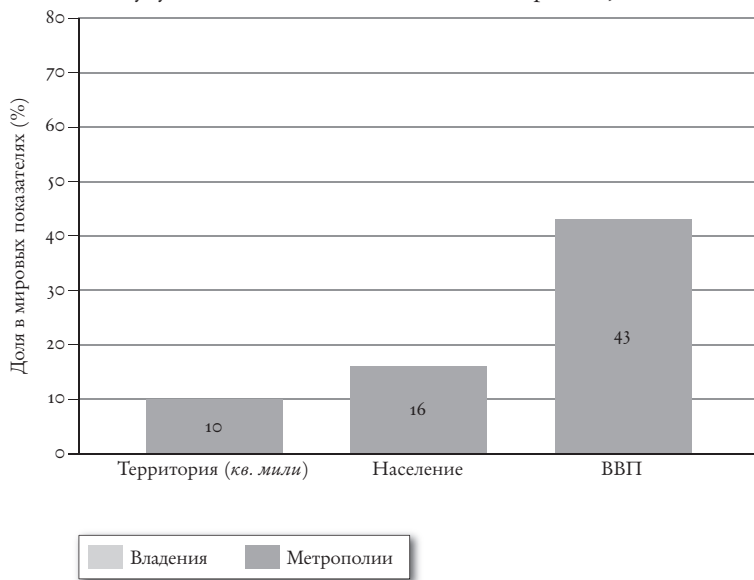
чувствовать над остальным миром следующие 500 лет, показалась бы очень странной. И все же это произошло.

По некоторым причинам с конца XV века мелкие государства Западной Европы с их бастардизированными заимствованиями из латыни (и немного из греческого), религией, основанной на учении некоего еврея из Назарета, с интеллектуальной задолженностью перед восточной математикой, астрономией и техникой смогли построить цивилизацию, не только покорившую великие восточные империи и подчинившую себе Африку, Америку и Австралию, но и привившую миру свой образ жизни (причем, как правило, не мечом, а словом).

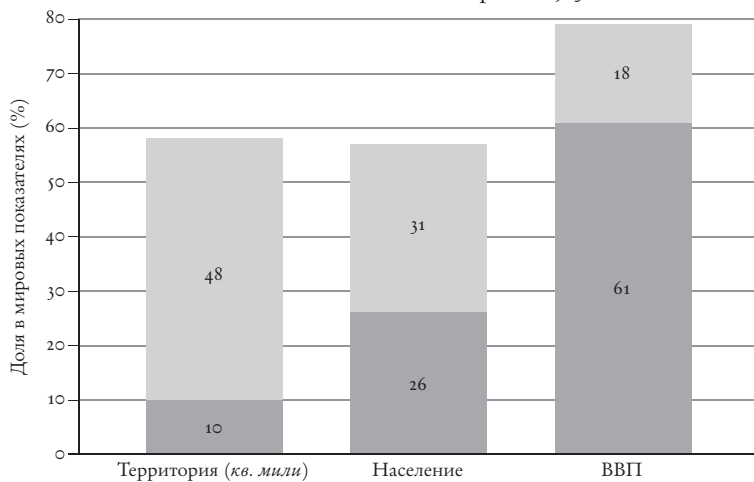
Некоторые утверждают, будто цивилизации в некотором смысле равны и что Запад не может претендовать на превосходство, скажем, над Восточной Евразией¹². Но очевидно, что такой релятивизм абсурден. Ни одна цивилизация прошлого не достигала такого уровня, как западная¹³. В 1500 году будущие европейские империи занимали около 10% поверхности земной суши и охватывали около 16% населения планеты. К 1913 году 11 западных империй* контролировали почти $\frac{3}{5}$ суши и населения и около $\frac{3}{4}$ (79%) мирового производства¹⁴. Средняя продолжительность жизни в Англии была почти вдвое больше, чем в Индии. Более высокий жизненный уровень на Западе сказывался, кроме прочего, на питании людей (даже сельскохозяйственных рабочих) и их росте (даже у солдат и преступников)¹⁵. Цивилизации, как мы видели, связаны с городским укладом. Запад преуспел и в этом отношении. В 1500 году, насколько мы можем судить, крупнейшим городом на планете был Пекин с населением 600–700 тысяч человек. Из 10 крупнейших городов лишь один был европейским — Париж (с населением менее 200 тысяч человек). В Лондоне

* Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Португалия, Испания, Россия, Великобритания и США. В 1500 году из них лишь Франция, Португалия и Испания существовали в виде, сколько-нибудь напоминающем их состояние в начале XX века. О притязаниях России на то, чтобы быть частью Запада, см. ниже.

Будущие западные колониальные империи в 1500 г.

Западные колониальные империи в 1913 г.

жило, вероятно, около 50 тысяч человек. Нормы урбанизации в Северной Африке и Южной Америке были выше европейских. К 1900 году все переменялось. Всего один из 10 крупнейших городов того времени — Токио — располагался в Азии. Лондон с населением около 6,5 миллиона человек стал мегалополисом¹⁶. При этом западное господство не подошло к концу с упадком и разрушением европейских империй. Возвышение США показало, что разрыв между Западом и Востоком увеличивается. К 1990 году средний американец был в 73 раза богаче среднего китайца¹⁷.

Более того, во второй половине XX века стало ясно, что единственный для восточных обществ путь преодолеть разрыв в доходах — последовать примеру Японии и заимствовать у Запада некоторые институты и уклад. Западная цивилизация стала своего рода моделью. До 1945 года, конечно, имелось много моделей развития (“операционных систем”, если использовать компьютерную терминологию), которые могли быть восприняты незападными обществами. Но самые привлекательные имели европейское происхождение: либеральный капитализм, национал-социализм, советский коммунизм. Вторая модель в Европе погибла в ходе Второй мировой войны и уцелела под другими именами во многих развивающихся странах. Крах советской империи в 1989–1991 годах покончил с третьей.

После начала мирового финансового кризиса много говорили об азиатских экономических моделях, однако и самый пылкий поклонник культурного релятивизма не порекомендует реанимировать институты минского Китая или Индии Великих Моголов. Нынешние дебаты между сторонниками свободного рынка и сторонниками вмешательства государства в экономику — это, по сути, спор двух *западных* школ, школ Адама Смита и Джона М. Кейнса, и еще нескольких негибачемых приверженцев Карла Маркса. Места рождения всех троих говорят за себя: Керколди, Кембридж, Трир. Большая часть мира теперь интегрирована в западную экономическую систему, в которой (как и рекомендовал Смит) главным образом

рынок диктует цены и определяет динамику торговли и разделение труда, а правительство играет роль, близкую к отведенной ему Кейнсом: пытается смягчить экономический цикл и уменьшить неравенство доходов.

О неэкономических институтах нет смысла спорить. Университеты во всем мире стремятся к западным стандартам. То же верно и в отношении медицины, от научных исследований до здравоохранения. Большинство людей принимает научные истины, открытые Ньютоном, Дарвином и Эйнштейном. И даже если они этого не делают, при первых симптомах гриппа или бронхита они спешат принять какой-нибудь продукт западной фармакологии. Не многие общества сейчас сопротивляются западным моделям сбыта и потребления, да и образу жизни. Все больше людей ест западную пищу, носит западную одежду и живет в жилье западного типа. Более того, даже принятая на Западе организация труда (работа с девяти часов утра до пяти часов вечера, пять–шесть дней в неделю, две–три недели отпуска в год) становится своего рода мировым стандартом. А религию, которую усердно экспортировали западные миссионеры, сейчас принимает треть человечества (в том числе и в стране с самым большим населением — в Китае). Даже атеизм, зародившийся на Западе, делает прогресс.

С каждым годом все больше людей делают покупки так, как и мы, учатся так, как и мы, оберегают свое здоровье (или болеют) так, как и мы, молятся (либо не молятся) так, как и мы. Куда бы вы ни поехали, вам почти наверняка попадутся бургеры, бунзеновские горелки, лейкопластыри, бейсболки и библии. Лишь в сфере политических институтов сохраняется впечатляющий плюрализм: множество стран, каждая по-своему, сопротивляется идее верховенства права с его защитой прав человека как основания полноценного представительного правления. А воинствующий ислам — как политическая идеология, так и религия — сопротивляется равенству полов и сексуальной свободе — западным стандартам конца XX века¹⁸.

Таким образом, не будет проявлением “евроцентризма” или (анти-“ориентализма”) заявить, что возвышение западной цивилизации — единственное важное историческое явление второй половины II тысячелетия с Рождества Христова. Это очевидно. Проблема в том, чтобы объяснить, как это случилось. Что такое после XV века произошло с цивилизацией Западной Европы, что позволило ей превзойти казавшиеся недостижимыми империи Востока? Конечно, это нечто большее, чем красота Сикстинской капеллы.

Простой ответ — империализм¹⁹. Еще многие сейчас негодуют по поводу преступлений европейских империй. Преступления, конечно, были, и ниже о них тоже пойдет речь. Ясно также, что различные формы колонизации приводили к разным долгосрочным эффектам²⁰. Но империализм не является исторически достаточным объяснением западного господства. Империи существовали задолго до империализма, разоблаченного марксизмом-ленинизмом. В XVI веке мощь и территория многих азиатских империй росли, а Европа после провала проекта Карла V по строительству великой Габсбургской империи от Испании до Нидерландов и Германии сделалась разобщеннее, чем когда-либо. Реформация привела к религиозным войнам, длившимся дольше века.

От путешественника XVI века едва ли укрылся бы контраст между Западом и Востоком. Османская империя, занимавшая Анатолию, Египет, Аравию, Месопотамию и Йемен, при Сулеймане Великолепном (1520–1566) расширилась до Балкан, Венгрии и Вены (1529). Государство Сефевидов при Аббасе I Великом (1587–1629) занимало земли от Исфахана и Тебриза до Кандагара. Северной Индией (от Дели до Бенгалии) правил Акбар I (1556–1605) из династии Великих Моголов. Китай за Великой стеной также казался спокойным, и едва ли европейские посетители двора императора Чжу Ицзюня (Ванли; 1572–1620) смогли бы предсказать гибель династии Мин менее